

НИКОЛАЙ КРИЖАНОВСКИЙ

РУССКИЕ УРОКИ ВАДИМА КОЖИНОВА

Вместо вступления

С журналистом Виктором Стефановичем Кожемяко, сухопарым энергичным человеком, встречающим всех по-русски добрым, прямым и пристальным взглядом, мне довелось познакомиться в 2006 году на пятых Кожиновских чтениях в Армавире.

Стояли теплые майские дни. Цвели каштаны. А в стенах Армавирского государственного педагогического университета (ныне — академия) на конференции, посвященной творческому наследию русского ученого и публициста Вадима Валериановича Кожина, собрались известные писатели, журналисты, отечественные и зарубежные ученые, а также школьные учителя, аспиранты и студенты.

Виктор Кожемяко, входивший в представительную делегацию из Москвы, выступал в Армавире с докладом “Каков же он, русский путь?”. Его напористость в отстаивании своих взглядов, внутренняя собранность, логическая ясность и четкость речи сразу привлекли внимание многих участников чтений. Мне, впервые общавшемуся с ним, сначала трудно было соединить в сознании возраст (Виктору Стефановичу был тогда 71 год) и мощную энергетику этого совершенно седого, но молодецки выглядевшего человека. Он на пять лет моложе Кожина, не раз встречался с ним, много раз брал интервью...

* * *

В прошлом году В. Кожемяко выпустил книгу “Уроки русского: Роковые силы” (М.: Эксмо, 2011), где собрал все свои беседы с Вадимом Валериановичем Кожинным, состоявшиеся во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов. В это издание вошли также личные воспоминания и размышления журналиста о выдающемся отечественном ученом, а также два интервью с Кожинным, записанные А. Дориным и Е. Моховой. Книга журналиста “Правды” и “Советской России” дает всем нам возможность “встретиться” с интереснейшим отечественным мыслителем второй половины XX века, почувствовать его живую мысль и живую речь.

Многие темы, затронутые в беседах, нашли свое воплощение в замечательных трудах и статьях В. Кожина. Среди них — различие между русской и западной цивилизациями, трактовка крупнейших исторических событий

(революция 1917 года, репрессии 1937 года, Великая Отечественная война, внутренняя и внешняя политика СССР конца 1940-х — начала 1950-х годов и проч.), величие творческого наследия А. С. Пушкина и М. А. Шолохова, исчезновение русской песни, характеристика подлинного патриотизма и многие другие. Глубина и обоснованность исследований Вадимом Кожиновым этих явлений несомненна.

Меня в книге привлекли темы, подробно не рассмотренные Кожиновым в иных работах. Их три: социализм и будущее России, особенности русского национализма и творчество А. И. Солженицына.

Социализм — путь России?

Лейтмотив книги — размышления о социализме. Они есть и в беседах, и в воспоминаниях В. Кожемяко о Кожинове, и во вступительной и заключительной статьях автора и составителя “Уроков русского”. Работник “Правды” и “Советской России” с особым трепетом относится к этой теме. За верность Виктору Стефановича убеждениям и искреннюю любовь к России, за журналистское и человеческое мужество при отстаивании своих воззрений его нельзя не уважать.

По мнению Л. Бородина, миссия России — это “осуществление социализма”. Писатель в 2003 году на Кожиновских чтениях в Армавире говорил, что тема “Россия и социализм” была для Кожинова одной из важных и не до конца решенных.

Виктор Кожемяко — убежденный приверженец социализма. Он верит в социализм, который, по его мнению, является единственным путем спасения страны. Поэтому согласие В. Кожинова стать доверенным лицом Геннадия Зюганова на президентских выборах 1996 года — факт для Кожемяко особенно значимый. По мысли журналиста, эта поддержка свидетельствует о том, что маститый ученый увидел в КПРФ созидательную политическую силу. Однако свой выбор Кожинов, как следует из интервью “Патриотическая идея социализму не противостоит”, определяет не идеологией коммунистов, а тем внутренним настроем, который он уловил в ее руководителях: “По моему мнению, сейчас во главе обновленной Коммунистической партии стоят как раз такие люди, которые готовы исполнить этот сыновний долг перед родной страной”. Власть Ельцина, его “команды” и олигархов однозначно была оценена Кожиновым как предательская, воровская, не имеющая права на существование.

Незадолго до выборов 1996 года в беседе, озаглавленной В. Кожемяко “Это бесплодное дело — пытаться перечеркнуть историю”, В. Кожинов говорит, что социализм — неизбежная форма общественного устройства России: “... Впереди так или иначе будет то, что называется социализмом”.

Кожинов в разных интервью выделяет в социализме несколько ведущих, по его мнению, черт. Во-первых, “господство общественной собственности, что вовсе не исключает частной собственности”. Во-вторых, “решающая роль государства”. В-третьих, “самоограничение”. Однако ученый “изымает” из социализма главное — марксистско-ленинскую идеологию. Он стремится “соединить ту идею, которая предшествовала революции, с той, которая была после нее”. По мнению исследователя, главное в социализме — экономическая сторона. Думаю, поэтому Кожинов пишет: “Подчеркиваю, что в этот термин я не вкладываю сугубо идеологического содержания”. И в этом он близок русскому философу Константину Леонтьеву, считавшему, что “социализм, понятый только с экономической стороны, может принять и охранительный характер” (“Как надо понимать сближение с народом?” (1880).

Затрагивая в разных интервью тему социализма, Кожинов повторяет: “... Утверждаю: говорить, будто русская мысль в наиболее глубоких ее проявлениях была против социализма... — это фальсификация”. В подтверждение сказанному исследователь вспоминает известную цитату из “Варшавского дневника” К. Н. Леонтьева (“России надо подморозить, иначе она сгниет...”) и дает свое понимание этим словам: Леонтьев “имел в виду не монархизм “подморозить” или как-нибудь еще, а именно социализмом. У него тогда, в 80-е годы была даже идея, что русская монархия сама придет к необходимости введения социализма”.

К трактовке этого изречения подступались многие. Как мне видится, смысл леонтьевской фразы о “подмораживании” страны наиболее точно и убедительно определен в статье С. Сергеева “К вопросу о “подмораживании России” (2009), вошедшей в работу “Творческий традиционализм К. Н. Ле-

онтьева”. Автор статьи аргументированно доказал: Леонтьев говорит об эпохе либеральных реформ Александра II, которые “Константин Николаевич воспринимал как разрушительные и не видел возможности им что-то противопоставить, кроме их замедления”.

В то же время в нескольких работах К. Леонтьев действительно писал, что социализм ближе к консервативной монархии, чем к либерализму: “Социалисты везде... ваш умеренный либерализм презирают. <...> ...Если анархические социалисты восторжествуют где-нибудь и когда-нибудь, то они отдадут справедливость, скорее, консерваторам” (“Г. Катков и его враги на празднике Пушкина” (1880); “...Социализм, понятый только с экономической стороны, может принять и охранительный характер” (“Как надо понимать сближение с народом?” (1880). В контексте этой и других пророческих для истории России XX века высказываний философа кожиновское утверждение возможности “подмораживания” страны социализмом звучит достаточно убедительным.

Вопрос о социализме даже в экономическом отношении — это, на мой взгляд, вопрос о вере. В. Кожинов верит, что социализм как тип общественного устройства, при котором доминирует общественная собственность, приведет страну к стабильности, благополучию: “Я действительно считаю, что Россия стоит перед таким выбором: либо ей не существовать, либо она пойдет по пути того, что называется социализмом”. В этом отношении, к сожалению, его взгляды ограничены “экономикой”, и потому мало отличаются от критикуемых им воззрений либералов-реформаторов 1990-х — 2000-х годов, которые и по сей день верят в чудодейственную силу западного образца демократии, капиталистического устройства страны и рыночной экономики.

На мой взгляд, решая этот судьбоносный для всех нас вопрос, русскому человеку следует ориентироваться на пушкинское мнение, сформулированное в “Путешествии из Москвы в Петербург”: “Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества”. Пушкин называет главное: общество должно меняться изнутри, нравственно возвышаться. Сама судьба великого поэта, его итоговый нравственный выбор и вершинные произведения недвусмысленно указывают нам основу духовного развития России — Православие. Оно, и ничто иное, на протяжении тысячелетия скрепляло русское общество, спасало в трагические эпохи, духовно возвышало, придавало особый характер народу, определяло смысл жизни русского человека и русского общества.

Вопросы социальных гарантий и социально ориентированного государства (каким бы оно ни было по своему политико-экономическому устройству) важны всегда. Но и здесь все зависит не от формата власти (социализм, капитализм и проч.), и даже не от доминирующих в обществе видов собственности (частная, государственная), а только от духовных ориентиров народа и власти.

Попросту говоря, благополучие общества зависит не от изменения правил и способа правления, а от эволюции духовного состояния людей.

Кожин и вопрос русского национализма

Важнейшим вопросом современной России можно назвать вопрос национальный, точнее — русский национальный.

Во-первых, потому что на протяжении многих лет в России идет разрушение национально-культурного ядра русских, а русская цивилизация, как цивилизация православная, и при помощи СМИ, и через государственное руководство планомерно разрушается. Следствие этого — современное демографическое и духовное угасание русского народа, исчезновение русского культурного кода.

Во-вторых, потому что государственный национализм как явление политики определяет жизнь большинства стран, отколовшихся от материка СССР. А кроме них — и многих стран дальнего зарубежья.

В-третьих, потому что внутри России в национальных республиках происходит активное становление местнического национализма, показывающего свой оскал всем “чужим” и прежде всего — русским.

И, в-четвертых, потому что многие факты последнего времени говорят о начале создания русского национального движения, на протяжении многих лет уничтожаемого в России.

Интервью, собранные Виктором Кожемяко, помогают определить особенности кожиновского подхода к национальной проблеме.

Без сомнения, Кожинов – большой русский мыслитель, плоть от плоти русского народа. Его работы – о русской литературе, культуре, истории – в первую очередь свидетельствуют о величии русского народа и его особенном месте среди других народов, о его выдающемся вкладе в мировую копилку достижений в самых разных областях человеческой жизни.

Размышления о национальном Кожинов начинает с определения различия России и стран Западной Европы в этом вопросе: “Россия была, есть и будет оставаться, я думаю, многонациональной страной, в то время как европейские страны – мононациональные”. Здесь важно понять логику мысли ученого. Для него важно, что за время существования России ни один народ, живущий на ее территории, не был уничтожен. В то же время многие народы, населявшие западноевропейские страны (бритты, кельты, бретонцы, гасконцы, пруссы, славяне, жившие по Эльбе), были стерты с лица земли. Поэтому Кожинов, вспоминая расхожее русофобское выражение “Россия – тюрьма народов”, справедливо называет западные страны “кладбищем народов”.

Характеризуя отечественный патриотизм, Кожинов обнаруживает его особую, наднациональную природу: “...Патриотизм у нас, как правило, за исключением каких-то маргинальных групп, не является собственно русским. Это патриотизм великой многонациональной страны”; “И когда говорится “патриотизм”, то речь идет о родине, а не о нации”. И это опять же отличает Россию от многих других стран, где “патриотизм является чисто национальной идеологией. Если хотите, это национализм”. По мнению исследователя, данный факт обусловлен тем, что на Западе “строили национальные государства. А Россия никогда не была национальным государством”. Первая часть утверждения русского ученого (о Западе) – бесспорна. И Кожинов неоднократно указывает на существование в европейских странах крайнего национального эгоизма, который и становился причиной то французского шовинизма, то германского фашизма. .. Вторая часть (о России) – верна лишь в том случае, если фразу “национальное государство” трактовать в западном смысле. То есть Россия, конечно, никогда не была эгоистично настроенным национальным государством. Это действительно так. Но, с другой стороны, наличие стержневой, государствообразующей нации – русских – в истории России отрицать невозможно. Именно русские определяли историческое развитие, культурное лицо, особенности политического устройства России. Другое дело, что национализм русских был “иной породы” и отличался от национализма западного. Он (национализм) во многом был обуздан и облагорожен в течение нескольких веков исключавшей национальную гордыню православной верой. Этот аспект критик не берет во внимание.

Неприятие Кожиновым в конце 1990-х национализма можно объяснить тем, что ученый по-своему трактует этот термин. Приведу пример. В диалогах с Кожемяко он не единожды вспоминает полуанекдотический случай, произошедший во время поездки в США. Кожинов, отвечая на реплику Генри Киссинджера “Вы знаете, я ведь тоже русский националист”, произнес: “...Просите, но в России национализм невозможен, это многонациональная страна”, – и тут же сослался на древнейшую летопись, в которой говорится, что русское государство создавали славянские и финские племена. Такой, хотя и несколько шуточный, ответ свидетельствует о достаточно узком, “кровном” понимании термина “национализм”, которое и раньше было свойственно Кожинову. В 1993 году в полемике о сути национализма, организованной журналом “Наш современник” и газетой “Литературный Иркутск”, критик утверждал: “Что такое национализм? В конце концов, это – “идея крови”. А в России трудно найти человека собственно “русской” крови”.

“Кровный”, биологический подход, думается, и обусловил отношение Кожинова к национализму. Для него – это явление негативное, родственное фашизму. Рассуждая о соотношении патриотизма и национализма, Кожинов утверждает: “Мы не можем перейти от патриотизма к национализму, потому что это просто противоречит нашему духу. Нет таких русских людей, ... которые с яростной ненавистью относились бы к другим народам”. Однако исследова-

тель формулирует и такую мысль: “Может быть, вот эта слабость, уязвимость русского патриотизма в том, ... что он не имеет националистической основы”.

В работе “Россия как цивилизация и культура” (2000), ставшей одной из последних и итоговых, Вадим Кожин пишет: “Утверждение превосходства – это не патриотизм, а национализм и шовинизм, идея своей избранности и т. д. ...” Таким образом, ученый уравнивает понятия “национализм” и “шовинизм” и характеризует их как “утверждение превосходства”, идею о своей избранности. Однако даже обращение к словарю С. Ожегова позволяет в трактовке советского времени увидеть два подхода к термину: буржуазный национализм (“реакционная идеология и политика, направленная на разжигание национальной вражды под лозунгом... национальной исключительности”) и освободительный (“в поработанных и зависимых странах народное движение, направленное на борьбу за свою национальную независимость”). “Шовинизм” же в определении Ожегова – “крайний национализм, проповедующий расовую исключительность и национальную вражду и ненависть”. Очевидно, что кожиновская трактовка основана на первом ожеговском определении. Подобное расширенное толкование национализма есть и в БСЭ, и в философском словаре советского времени.

Думаю, для верной трактовки “национализма” надо “включить” логику. Если патриотизм – это любовь к Отечеству, Родине, то национализм – любовь к своей нации, своему народу. Если существует крайний, экстремистский патриотизм (в виде концепции мировой “однополярности” или государственного мессианизма), то возможен и крайний национализм (шовинизм, этноэгоизм) Но крайние, негативные смыслы не отменяют положительного толкования термина национализм. Иначе нам пришлось бы, например, отказаться от кухонных ножей, поскольку нож – холодное оружие, которым можно убить человека. Патриотизм же и национализм не противостоят друг другу, а должны быть взаимосвязаны. Первое основано на втором, а второе находится под защитой первого.

Понимание Кожинным национального вопроса, выраженное в нескольких интервью, порой сблизается с высказанным в статье В. Путина “**Россия: национальный вопрос**” (23 января 2012 года). Кожин в разных интервью говорит о многонациональном характере России. Он утверждает, что Россия была, есть и будет многонациональной страной (то есть страной, в которой проживает много наций). У Путина та же мысль: “Историческая Россия – не этническое государство... Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство”.

Однако на этом сходство позиций русского мыслителя и современного государственного деятеля и заканчивается, поскольку, формально не принимая необходимости развития русского национализма, даже поддерживая евразийскую теорию, Кожин почти всегда мыслит в русле патриотически-национальной идеологии.

Ориентиром мышления критика становится великий русский поэт Александр Пушкин: “Все самосознание русское во многом определяется Пушкиным, – пишет Кожин. – Пушкину предшествовала тысячелетняя русская история, и история культуры, без этого его тоже не было бы... <...> Пушкин – это какие-то скрепы”. Поэтому “воскрешение России невозможно без воскрешения Пушкина”. Кожин восхищается глубиной пушкинского понимания предательской гибельности пути денационализации в стихотворении “Ты просвещением свой разум осветил...”, написанном как отклик на антирусские настроения российских дворян после подавления польского восстания 1830 года.

Воплощением национального гения Кожин считает не только Пушкина: “Для того чтобы любому сыну России понимать, что его Родина занимает достойнейшее место в мире, чтобы ощущать свою страну действительно достойной и великой, достаточно четырех русских имен: Михаил Кутузов, Лев Толстой, Федор Достоевский, Георгий Жуков”.

Размышляя в интервью 1997 года об уничтожении русской песни в 1990-е, Кожин поднимает проблему необходимости сохранения национальной идентичности, национального культурного кода: “Наша песня – средоточие, то есть своего рода центр, ядро, где органически соединились ценнейшие достижения русской культуры”. Надо вспомнить, что ученый на протяжении многих лет боролся с уничтожением русской песни.

Кожинов как настоящий русский патриот еще в 1990-е указывает главные национально-государственные проблемы, остающиеся и по сей день моровыми язвами России. Среди них — несправедливость, незаконность, немотивированность передела собственности, произошедшего в начале 1990-х, в результате которого несколько тысяч человек завладели всеми богатствами страны. Критик, говоря о необходимости вернуть награбленное государству, прибегает к замечательному сравнению, характеризующему отношение к этой проблеме современной власти: “Получается так. Люди бегут за воров, и вдруг кто-то кричит: “Братцы, он же сопротивляться будет! Пускай уж лучше убежит!” Нелепо, дико”.

Еще одна “болевая точка” — вывод олигархами капиталов, сколоченных в России на разорении экономики и продаже природных ресурсов, за границу. Шестнадцать лет назад ученый восклицал: “Это есть настоящее предательство. Измена Родине. Деньги, полученные от соков родной земли, сплавляются за ее пределы, поскольку отдельным... персонам это выгодно”. Вывод Вадима Кожинова однозначен: “Власть, допустившая и допускающая такое, не имеет право на существование”.

Не менее важной для существования России, по мысли Кожинова, является проблема разрушения через СМИ русской культуры, засилья “развлекательной псевдокультуры”. Следствием этого становится “гедонизм, стремление к удовольствию вместе с повышенным себялюбием” как “жизненная программа”. Плоды этой губительной “жизненной программы” мы ощущаем сегодня и в количестве подростковых самоубийств, и в страшных фактах убийств родителями детей и детьми родителей, и в непрочности современной семьи, и в охватившей страну коррупции, и в льющейся из ряда СМИ проповеди содомского греха, и в желании многих надругаться над Православием — средоточием святого в русской жизни.

Солженицын: pro et contra

На страницах опубликованных В. Кожиновым статей и книг крайне редко упоминается А. Солженицын. Зато на эту тему есть запись беседы с Виктором Кожемяко (“Солженицын против Солженицына”, декабрь 1998 года) и несколько фрагментов интервью разных лет, в которых литературовед и историк выражает свое понимание личности и творчества писателя.

В 1996 году в диалоге с В. Кожемяко (“Это бесплодное дело — пытаться перечеркнуть историю”) Вадим Кожинов подчеркивает, что в целом уважает Солженицына, и тут же указывает на непоследовательность отношения этого писателя к истории. Критик вспоминает о речи Солженицына во Франции у памятника крестьянам — жертвам французской революции и возмущен тем, что писатель тогда вспомнил и о жертвах революции в России. И стал призывать покончить с коммунизмом в СССР. По мнению Кожинова, Солженицын не понимает: во Франции хоть и не было коммунистической революции, страна “построена на крови и костях тех же вандейских крестьян”.

В интервью 1997 года (“Гений Шолохова сомнению не подлежит”) на вопрос Кожемяко о причинах ненависти Солженицына к Шолохову Кожинов уклончиво отвечает: “Выносить диагноз я не берусь”. И тут же приводит факты, свидетельствующие о двойных стандартах поведения лауреата Нобелевской премии. По его словам, Солженицын утверждал, что ему с 12 лет была известна версия о плагиате Шолохова. Однако в декабре 1962 года он после встречи с писателем на приеме у Хрущева посылает автору “Тихого Дона” письмо, в котором выражает сожаление об упущенной возможности “выразить неизмеренное чувство” высокой признательности писателю, создавшему “бесмертное” творение. Кожинов обращает внимание на слово “неизмеренное” и подчеркивает: “По прошествии не столь уж длительного времени Солженицын активно включился в очередную антишолоховскую кампанию”.

В 1998 году Виктору Кожемяко удалось вовлечь критика и ученого в открытый разговор об А. Солженицыне, неоднозначно воспринимаемом и в России, и за рубежом. Так появилось интервью “Солженицын против Солженицына”, во многом прояснившее позицию Кожинова.

Для критика А. Солженицын — одна из самых крупных и одновременно сложных и противоречивых личностей второй половины XX века. Он и писа-

тель, и публицист, и историк, и социолог, претендующий “на роль пророка”. Исследователь литературы подчеркивает: автор “Архипелага ГУЛАГ” стремится выполнять ту же роль, что и крупнейшие фигуры русской литературы — Пушкин и Достоевский. Хотя стремление стать наравне с великими для Кожина не означает равенства.

В интервью Кожин “уходит” от прямой оценки достоинств художественного творчества Солженицына. По его мнению, этот вопрос “сейчас решить нельзя”, “по-настоящему это могут сделать потомки”. Критик утверждает: “...Если говорить о литературе современной, то он, безусловно, один из наиболее значительных писателей”. Но тут же добавляет слова, которые оставляют читателя в некотором недоумении: “...Но говорить о ценности его произведений в веках мы не имеем права”.

Можно лишь гадать, почему Кожин-литературовед в течение многих лет не обращался к анализу произведений Солженицына. Хотя сама по себе фигура умолчания достаточно красноречива и наталкивает на мысль о том, что автор “Матренина двора” воспринимается критиком и историком иначе, чем родные его сердцу Пушкин и Гоголь, Достоевский и Толстой, Тютчев и Аксаков, Пришвин и Шолохов, Белов и Шукшин, Рубцов и Ю. Кузнецов. Думаю, именно этим можно объяснить нежелание литературоведа с почти полувековым стажем разбирать творчество А. Солженицына. Тем не менее, странно от опытного исследователя слышать, что выявлять “художественные достоинства произведения — это настолько сложная вещь...”.

Особенное внимание русского критика привлекают идеологические “развороты”, происходившие в сознании писателя. Кожин понимает, что солженицынский путь “от абсолютного прития революции и ее последствий до абсолютного неприятия” характерен был для многих людей. Но, по мнению исследователя, Солженицына нельзя назвать “перевертышем”, поскольку изменения в сознании не приносили выгоды, не подчинялись конъюнктуре, были связаны с серьезнейшим риском. Подобным образом Кожин воспринимает и поведение писателя после возвращения в Россию, когда “поначалу Александр Исаевич чуть ли не приветствовал то, что у нас происходило, а потом отношение резко изменил”. Это, утверждает критик, “не та безнравственная смена перчаток”, которая произошла с А. Яковлевым и ему подобными.

Критик обозначает изъяны личности и творчества писателя. Главное, чего не принимает Вадим Кожин, — отсутствие у Солженицына должной ответственности за сказанное и сделанное. Наиболее сильно безответственность писателя проявилась в искажении исторических фактов. Например, Кожин удивляется нелепости приводимых Солженицыным данных о количестве погибших во Второй мировой войне. Писатель сначала настаивал на том, что в Великой Отечественной войне погибли 44 миллиона наших солдат. Потом, правда, говорил, что погиб 31 миллион.

Кожин обращается к статистике и подчеркивает: всего за период с 1941-го и по 1945 годы в стране всего “исчезло 38 миллионов”, и это вместе с умершими естественной смертью. А таковых за период войны было приблизительно 13 миллионов. Он напоминает и о цифре эмигрировавших — около пяти миллионов. Кроме того, исследователь подчеркивает: такого огромного числа погибших быть не могло и потому, что в СССР к 1941 году взрослых мужчин, способных носить оружие, было менее 44 миллионов.

Своеобразный подход писателя к цифрам оправданно вызывает у Кожина недоверие ко всем приводимым Солженицыным числовым данным, в том числе и тем, что озвучены в “Архипелаге ГУЛАГ”. На вопрос Кожемяко о наличии некоторого преувеличения количества гулаговских жертв ученый говорит: “Да не некоторое — громадное... Моя основная мысль состоит в следующем: человек, который так легко может употребить совершенно необоснованную цифру — 44 миллиона, он может и в другом случае допустить такое же”.

По мнению критика, еще одна серьезнейшая ошибка Солженицына связана с общей направленностью его художественных произведений, публицистики и исторических изысканий: писатель воспринимает всю советскую эпоху развития России как “черную дыру”. И такой подход к истории крайне возмущает ученого: “Это само по себе неправдоподобно. То есть объявить три четверти века в жизни народа какой-то пустотой, полностью негативным явлением... Так не бывает”. В связи с этим Кожин вспоминает об Олеге Волкове

и Михаиле Назарове — ярых, как и Солженицын, противниках советской власти, которые крайне негативно относились к ней, но в какой-то момент признали определенную историческую необходимость ее существования. У Солженицына этого не происходит. Однако в конце интервью критик неожиданно сам оправдывает упорную неизменность писателя в этом вопросе: “Создав, если хотите, свой мир, он (Солженицын. — Н. К.) стал... его пленником”; “... Не столько вина, сколько беда, что человек не может выйти за пределы какого-то своего мира” ; “Трудно в таком возрасте столь резко меняться”.

Диалог о Солженицыне — наиболее эмоционально напряженное интервью, где собеседники редко находят точки соприкосновения. В ходе беседы Кожинов, говоря о личности и творчестве писателя, порой становится его адвокатом, “ограждает” Солженицына от критики В. Кожемяко, а ряд противоречий, ошибок просто оправдывает. Это относится, например, к достойной лучшей применения упорной неизменности писателя в “вопросе о плагиате” Шолохова. Кожинов оправдывает отсутствие раскаяния у писателя феноменом беспамьяства, видит в этом “такую охватившую человека сильную страсть, что он сам не помнит своих прежних слов”. Но мы-то помним, что Солженицын и после 1999 года, когда авторские черновики “Тихого Дона” были публично представлены и опубликованы, опять “забылся”: не опроверг свои нелепые обвинения, красноречиво промолчал...

Подобное страстное беспамьяство, по мнению Кожинова, “заставило” писателя забыть о своей поддержке расстрела Верховного Совета в 1993 году и в конце 1990-х позволило оценивать эти события уже не столь однозначно.

На реплики Кожемяко о спорности оправдания серьезных ошибок Солженицына страстностью природы и чрезмерным рационализмом писателя Кожинов выдвигает еще менее аргументированный тезис: “Большой человек — и противоречия большие”.

Главное достоинство Солженицына после его возвращения в Россию, по мнению Кожинова, заключено в способности писателя “более или менее объективно взглянуть на происходящее у нас с 1991 года”, в факте неприятия многих деяний российской власти последнего десятилетия XX века.

Такое сложное отношение к личности и творчеству Солженицына, с одной стороны, показывает, что Кожинов прощает, “отпускает грехи” писателю, безоговорочно признавая его заслуги, а с другой стороны, свидетельствует о трудно объяснимом нежелании ученого обострять критическую мысль, отойти от большого, но чуждого ему явления.

Кожинов не был таким прямым противником А. Солженицына, как фронтовики В. Бушин и М. Лобанов, а также переживший войну ребенком В. Кожемяко, но он и не писал гимнов писателю-антисоветчику, как более молодые Л. Сараскина и В. Бондаренко. Кожинов видит разное, противоречивое в сложной фигуре Солженицына.

Размышляя об А. Солженицыне, Виктор Кожемяко и Вадим Кожинов выступают почти оппонентами. Кожемяко видит лишь негативные стороны личности Солженицына, говорит только о его ошибках и грехах. Кожинов, проявляя отрицательные черты автора “Архипелага ГУЛАГ”, упоминает и о заслугах писателя.

* * *

Книга В. Кожемяко “Уроки русского: Роковые силы” дает возможность ощутить притягательную силу раздумий Вадима Кожинова об истории, литературе, философии, политике и экономике. Помогает постигнуть особенности кожиновской научной методологии “мышления в фактах”, узнать живого Кожинова, развенчавшего большое количество исторических, политических, общественных мифов. Но это не значит, что Кожинов стал иконой, что его наследие не нуждается во всестороннем пристальном изучении.

Ученый как бы дал нам в руки компас — все свое творчество, показал направление дальнейшего движения. И мы идем...